

Александр А.А.

14/III-89

К ЭТОМУ дню, 6 января 1825 года, Москва готовилась с огромным энтузиазмом, собрав для торжественного спектакля в честь открытия Большого театра лучшие творческие силы.

На сцене в виду переполненного зала Гений России воссоздавал на развалинах прежнего Петровского театра новый храм русской музыки. И, когда грандиозный хор, сопровождавший понятную всем присутствующим аллерию, на высокой ликующей ноте оборвал заключительное мощное «форте», публика разразилась неистовыми рукоплесканиями, вызывая на сцену создателей великолепного зрелища. Среди них и своего любимца Александра Александровича Алябьева, чьи мелодии уже давно вошли в плоть и кровь повседневной российской жизни, а сегодня, заряженные энергией фанфар и литавр, «возбуждали», как писали современники, «в душе чувство величия».

Есть нечто символическое в том, что его музыка звучала в день открытия русского национального театра. Именно тогда впервые российская печать заговорила о только что скинувшем военный мундир талантливым дилетанте, щедро разбрасывавшем искры яркого дарования. Заговорила как о композиторе, творчество которого имеет национальное значение.

Время неоправданно ограничило наше восприятие композитора во всей его многогранности. Прежде всего — согласимся с этим! — для нас Алябьев — автор прекрасных романсов, среди которых царствует, продолжает свое победное шествие во времени и поколениях его бессмертный «Соловей».

А между тем Алябьев был человеком широкого творческого диапазона, не только композитор, но и дирижер, педагог, собиратель народных песен, неутомимый организатор музыкальной жизни. Творческое наследие этого «первого выдающегося русского лирика» обширно и разнообразно: свыше ста шестидесяти романсов, шесть опер, балет, двадцать восемь водевилей, симфоническая, фортепианная, военно-оркестровая музыка. Все это уложилось в четыре десятка лет композиторской деятельности, из которых большая часть была сопряжена с исключительно тяжелыми жизненными испытаниями, что, казалось, не оставляло места для творчества...

Молодость Алябьева совпала с молодостью века. Он впитал его достоинства и недостатки, усилив и то и другое своим природным артистическим темпераментом и пылкостью характера.

Когда грянул гром 1812 года, младший сын сенатора А. В. Алябьева без колебаний оставил службу «по горной части» и вступил в армию. Что осталось там, за плечами бравого двадцатипятилетнего корнета казачьего полка Александра Алябьева? Тобольское детство, «волшебный мир кулис» основанного его отцом первого в Сибири театра. Не здесь ли он услышал те звуки, что, овладев душой мальчика, больше никогда не отпустили его от себя?

Принадлежность к родовитому дворянству закрывала одаренному юноше путь к профессиональной музыкальной деятельности. И все же при переезде семьи в Москву, числясь чиновником по горному ведомству, семнадцатилетний Алябьев упорно совершенствует фортепианное мастерство, берет уроки у знаменитого пианиста и композитора Джона Фильда, занимается теорией музыки и певческим искусством.

Война разом обрушила все приметы его прежней жизни, кроме одной — музыки. Сколько наслушался он здесь, на бивуаках, в часы затишья, народных песен, разноречивых, разнохарактерных, но неизменно поражающих его бесконечным мелодическим богатством и выразительностью! Этот счастливый дар, отпущенный среди суровых испытаний, благодатно отзовется на всем его творчестве.

Война есть война. Алябьев был ранен, но не покинул поле боя.

Он вернулся домой, с головой окунувшись в бурливую победную воодушевленность жизни. Годы надежд и дерзаний! Болдино русской культуры! Взошла и сияет звезда Пушкина. Грибоедов, Денис Давыдов, Крылов, Бестужев-Марлинский, Дельвиг, Федор Глинка, Кюхельбекер, Вл. Одоевский, знаменитые русские актеры, певцы — это все его окружение, друзья, каждый из которых, казалось, заражал талантливостью другого.

Но творческой энергии ему и самому было не занимать! Послевоенное время отвело Алябьеву роль лидера на музыкальном Парнасе: слишком юна еще та поросль — Верстовский, Варламов, Гурилев, будущий гигант русской музыки Глинка, Даргомыжский, — что, дайте срок, скажет свое слово.

Это еще впереди. А пока, говоря об

К 200-летию со дня рождения

АЛЯБЬЕВ

Алябьев, не обойти ответственного этого числительного — первый.

Его новаторский, на одном дыхании написанный струнный квартет был первой ласточкой в русской камерно-инструментальной музыке первой половины XIX века. За ним последовал целый ряд фортепианных и симфонических пьес. Циклом романсов на стихи В. А. Жуковского открылась самая блестящая страница творчества Алябьева — его вокальная лирика, что войдет в золотой фонд нашей музыкальной культуры и утвердит за композитором славу «крупнейшего из мастеров русского романса доглинковского периода». А в 1822 году Алябьев дебютировал как театальный композитор.

Каким секретом обладала алябьевская музыка, привлекавшая сердца людей самых разных сословий, порой терявшая имя своего создателя, чтобы стать «русской народной»? Не в том ли он заключался, по очень меткому замечанию Б. Асафьева, что в ней «отложились» надолго чувствования окружающей его среды, родственные будущим поколениям?

В те годы, замыкавшие первую четверть XIX столетия, Алябьев был на вершине своей славы и популярности, в предвкушении новых творческих дерзаний, облаканный дружбой и признанием знаменитых своих современников. И вдруг разом, внезапно все оборвалось. А история, «наделавшая много шума в Москве», окутанная массой легенд, измышлений, имевшая своей основой заурядную карьерную стычку, кончившуюся смертью одного из ее участников, обернулась для Алябьева беспощадным своим итогом — ссылкой на каторгу. Три года предварительного следствия, пристрастного, с несуразицей и медлительностью судопроизводства, с бесконечными допросами и очными ставками, измотали Алябьева до крайности.

И каким же феноменом человеческого духа объяснить тот факт, что именно здесь, в Съезжем доме, в самой сырой и отдаленной камере (чтобы звуки фортепиано — единственное послабление властей — «не смущали» остальных обитателей тюрьмы) родились произведения, которые позволяют говорить не просто о продолжении сочинительства, а о творческом взлете!

Алябьев творил музыку, а музыка спасала его.

Здесь, в тюрьме, он завершает работу

над оперой «Забавы калифа», пишет вокально-оркестровые произведения, хоры, инструментальные пьесы, музыку для театральных постановок в Большом и Малом театрах, романсы, и среди них принесшего ему мировую славу «Соловья» на слова А. Дельвига.

В то время как над композитором уже шел суд, в ожидании приговора он сочинил третий струнный квартет, еще несколько прекрасных романсов, где не услышать ни ноты отчаяния или тусклого безразличия. Здесь царствует спокойный и свободный человеческий дух, черпающий радость в самом факте бытия. Здесь если и печаль, то светлая...

Ранней весной 1828 года после долгого и мучительного следования по этапу прибыл в Тобольск сын прежнего его губернатора, а ныне поднадзорный ссыльный Александр Алябьев. Человек, лишенный доброго имени, всех чинов, орденов и дворянства, без права служить, приговоренный к тому же к унижительному церковному покаянию.

Три тюремных года, каторжный этап обернулись нездоровьем. Донимало постоянное безденежье. И — самое горькое и больное — мысль о потерянном личном счастье. Та, ради которой он мчался когда-то в особняк на Страстном бульваре, вышла замуж...

Но есть, есть она, та «нескудеющая сила», что подняла Алябьева над его горестной судьбой. В забытом богом «каторжном крае» он собирает вокруг себя любителей музыки, заражает их кипучей энергией, и вот уже звучат в Тобольске регулярные симфонические концерты, а 22 января 1829 года с воодушевлением рукоплескали зрители его собственным произведениям.

Жалкий казачий оркестрик, обслуживавший «балки» местного «света», педагогическим и дирижерским даром Алябьева превращается в музыкальный коллектив с отменным репертуаром, в пропагандиста лучших образцов классической музыки.

Он обрел себя как личность, возвращал свое гражданское значение музыканта и композитора. Здесь, в Сибири, достигает своего полного расцвета вокальная лирика Алябьева, значительная часть которой имела своей поэтической основой стихи Пушкина. Алябьев, одним из первых русских композиторов обратившийся к пушкинской поэзии, написал около двадцати роман-

сов на стихи великого русского поэта, среди которых — «Зимняя дорога», «Певец», «Погасло дневное светило», «Я помню чудное мгновенье»...

Романсы создавались на берегах Иртыша, а пелись всюду. Неведомыми путями добирались они в Россию, оседали в «заветных альбомах», переписывались, а те, что попадали в печать, скрывали имя своего автора под псевдонимом «Северный певец».

Творчество тобольского изгнанника поразительно по своему разнообразию: от музыки для городских увеселений и культовых песнопений (своего рода «отступная» от преследований церковников) до знаменитой одночастной симфонии, что, как пишет исследователь его творчества, «...подготовила рождение симфонической увертюры М. И. Глинки».

Улетай, наш соловей,
с хлада Севера скорей,
Отдохни в стране родной
после бури роковой.

— так напутствовал Тобольск Алябьева, которому ценой бесконечных ходатайств его родных и друзей разрешили выехать для лечения на Кавказ.

Не случайно появление в сборнике «Кавказский певец» одного из чудеснейших образцов алябьевской лирики — романса «Я вас любил...» на слова Пушкина. Неожданная встреча с Екатериной Александровной Офросимовой, урожденной Римской-Корсаковой, к дому которой на Страстном бульваре вели когда-то все его московские дороги, обернулась короткой и горькой радостью... Он расставался со своей потаенной Музой, не надеясь больше встретиться, и не знал, что история его любви будет иметь счастливое (редкое «неалыбьевское» слово!) завершение.

Овдовев, Екатерина Александровна соединит с ним свою судьбу:

«Я вступила в супружество с Алябьевым уже во время его несчастья, не увлекаясь никакими житейскими выгодами, и одно только чувство любви и уважения к его внутренним качествам могли ободрить меня на такую решимость...»

Но это произойдет только в 1840 году, и еще долго Алябьеву, больному, без средств, с вечной тревогой и неуверенностью в завтрашнем дне скитаться по свету. Его переводят в холодный Оренбург, потом в погруженную в провинциальную дремоту Коломну. Время от времени тайком он вырывается из мест ссылки. Не снимая баулов и сундуков с коляски, чтобы создать эффект случайного проезда, появляется в Воронеже, Крыму, в Тульской губернии, в Москве.

Как и когда он работал? И между тем в феврале 1838 года в Большом театре давали «Виндзорских кумушек» Шекспира, а в апреле пушкинскую «Русалку». Оба спектакля на музыку Алябьева, чье имя скрывалось на афишах под инициалами А. А.

Он вернулся в Москву в 1843 году со строгим предписанием «не показываться в публике», без надежды на амнистию, лишенный гражданских прав бывший каторжник...

Быть может, закономерно, что в последние годы творчества Алябьева обрело особую психологическую глубину и силу. Оно обрело нового героя.

Плещет в чадном дыму кабака, глотая хмельные слезы, крестьянин-бедняк... Просит милостыню морозной ночью жалкая нищая, некогда облаканная судьбой актриса... Идет нескончаемой зимней дорогой, во мглу, в неизвестность одинокий странник...

Так, обращаясь к демократической поэзии Огарева, Беранже, находя новые приметы музыкальной выразительности, Алябьев на склоне лет отдает проникновенный, глубоко человеческий свой талант теме «униженных и оскорбленных». Той, что стала предтечей гениальных созданий Мусоргского...

Судьба русской музыки никогда не была простой и легкой. Теперь, за далью лет, от нас сокрыто несомненное: творениям Алябьева надо было стать откровениями, чтобы российский слушатель в необременительном потреблении резво-сладозвучных куплетов-канцон вдруг обнаружил в себе потребность в его глубоко национальной мелодии.

Внимая ей, дальний наш соотечественник написал ее исполнителю сентиментальные, не в тон нашему прагматическому веку строки. Но отчего же сегодня, слушая музыку Алябьева, мы готовы их повторить?

...напомнили вы мне
мои забытые надежды,
радость, муки,
царчевали дух, исторгши в тишине
Алябьева пленительные звуки...

Людмила БЫЧЕНКОВА